

ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК И ЕГО СВОЙСТВА

// Вопросы языкознания, №2, 1977. С. 15-27.

Признание языка знаковой системой,— а такой взгляд на язык в настоящее время если не общепризнан, то весьма широко распространен,— требует всестороннего анализа понятия знака вообще и раскрытия специфики собственно языкового знака, поскольку знаковая система потому и называется знаковой, что состоит из знаков или, может быть, точнее сказать, включает в себя знаки. Несмотря на обширную литературу о знаковых системах и знаках, а также несмотря на существование более или менее принятого в науке (правда, очень общего) определения, согласно которому знак — нечто используемое для обозначения чего-то, находящегося вне его самого, единства мнения о том, что такое знак и каковы его свойства, все же нет. К числу немногих общепризнанных свойств знака, пожалуй, можно отнести отсутствие естественной или причинной связи между знаком и тем, что он замещает, и отсутствие детерминированности знака предметом, который он обозначает. Указанное выше определена знака в силу своей общности вмещает весьма различные и даже противоречивые конкретные интерпретации знака и его свойств.

Между тем, от того или иного толкования понятия знака во многом зависит решение ряда важных теоретических проблем, как общесемиотических, так и частносемиотических. т. е. проблем, касающихся различных частных видов знаковых систем, например, языковых систем. Поэтому продолжение обсуждения вопроса о знаке и, в частности, о языковом знаке и его свойствах остается актуальной задачей.

Для того чтобы служить целям общения, знак должен быть чувственно воспринимаем. Поэтому материальность является обязательным свойством знака. При всей, казалось бы, бесспорности этого утверждения вопрос о материальности собственно языкового знака тем не менее требует специального рассмотрения. В языке знаки «сделаны» из звуковой материи. Они воспринимаются органами слуха. Как материальные предметы языковые знаки существуют вне головы человека. В голове говорящего имеются идеальные обобщенные образы этих знаков (или представления об этих знаках). Эти образы или представления по сути дела есть не что иное, как знание соответствующих знаков.

Особенность бытия языковых знаков состоит в том, что они, представляя собой звуковые волны определенной длины, материально существуют ровно столько времени, сколько длятся колебания этих звуковых волн. Языковой знак не имеет поэтому непрерывного существования во времени. При необходимости «иметь» в своем распоряжении тот или иной знак этот знак создается говорящим с помощью органов речи всякий раз заново. Основой создания знака является знание говорящим данного знака и умение артикулировать его, т. е. «делать» его. В силу этого каждый знак существует

во множестве «экземпляров». Это множество бесконечно, так как каждый знак «делается» в данной языковой среде бесконечное количество раз. Свойство «экземплиарности» языкового знака, вытекающее из способа его существования в виде некоторого множества, или класса, позволяет рассматривать единичные конкретные знаки (отдельные экземпляры) как варианты одного и того же знака. По отношению к этим вариантам идеальный обобщенный образ данного знака (или представление о нем) выступает как инвариант, в котором отражены общие свойства, обязательно повторяющиеся во всех конкретных вариантах (экземплярах) этого знака, и сняты индивидуальные различия вариантов. Инвариант данного знака есть некоторый идеальный предмет, «умственная вещь». Он может быть рассмотрен как абстрактная форма данного знака. Поясним сказанное на примере. Так, звукоряд *д-е-р-е-в-о* в русском языке есть знак, выражающий идею (понятие) о дереве. В разных случаях, в произношении разных лиц конкретный звуковой облик этого знака может в определенных пределах видоизменяться, например, в зависимости от темпа и громкости говорения, а также в зависимости от индивидуальных особенностей речевого аппарата разных лиц. Однако говорящие осознают, что *д-е-р-е-в-о* в разных случаях произношения — это один и тот же знак. Основой осознания этого является, с одной стороны, наличие в головах говорящих одного и того же понятия (значения), связанного с этим знаком, т. е. выражаемого этим знаком, и, с другой стороны, наличие в головах говорящих идеального обобщенного образа этого знака (или представления), в котором сняты индивидуальные особенности конкретных экземпляров данного знака. Обобщенный образ знака (или представление) и есть абстрактная форма знака, или абстрактный знак.

Во многих лингвистических работах, принимающих противопоставление языка и речи, абстрактные знаки считают принадлежностью языка, а конкретные знаки (отдельные экземпляры) — принадлежностью речи. Различие между абстрактными и конкретными знаками при этом отображается обычно в двух рядах терминов — «эмических» и «этических». Так, имея в виду абстрактный знак, используют термин «морфема» (эмический ряд), а говоря о конкретном знаке, используют термин «морфа» или «алломорфа» (этический ряд). Между абстрактными и конкретными знаками в этом случае устанавливают отношения репрезентации, или манифестации: считают, что конкретные знаки манифестируют, или репрезентируют абстрактные знаки.

Такой подход, несмотря на его распространенность, вызывает возражения. Абстрактный знак — бесплотен. С его помощью невозможно общаться. Поэтому если считать, что язык состоит из абстрактных знаков, то его невозможно рассматривать как средство общения. Средство общения по своему назначению не может не быть материальным. Но, может быть, средством общения следует признать речь как состоящую из конкретных материально осязаемых знаков? Но речь сама есть процесс общения. Образую предложения, мы используем известные нам слова, конструкции, правила, т. е. мы строим речь всегда с помощью определенных средств. Речь поэтому

есть не что иное, как язык в действии, в использовании. Соотношение языка и речи, по сути дела, есть соотношение средства и применения этого средства. Хотя конкретные знаки «делаются» в момент речи и являются в этом смысле принадлежностью речи, они, не перестают быть и принадлежностью языка. От того, что мы делаем то или иное средство в момент его применения, оно не перестает быть средством. Поэтому конкретные материальные знаки, создаваемые (артикулируемые) в процессе общения, являются именно реальными средствами общения, принадлежат языку как материальной системе знакового характера, представляющей собой в целом средство речеобразования, т. е. средство общения.

Отсутствие у языкового знака свойства непрерывного пространственно-временного существования создает большие удобства для его «хранения». Мы храним не сам чувственно осязаемый материальный знак, а храним в своей памяти обобщенный идеальный образ этого знака, а также умение и навык в нужный момент «сделать» этот знак. Иначе говоря, мы храним не сами реальные знаки, а их абстрактную форму, знание о них.

Таковы некоторые соображения относительно вопроса о материальности языкового знака.

Общепризнано, что тот или иной предмет является знаком лишь в том случае, если он обладает значением (хотя в понимании того, что такое значение, также нет единства). В связи с вопросом о значении знака существуют две основные концепции знака — как двусторонней сущности и как односторонней сущности. Приверженцы концепции двусторонности знака считают, что знак состоит из двух сторон: означающего (обычно нечто материальное, в языке — звуки) и обозначаемого, под которым подразумевается значение. Концепция одностороннего знака исходит из того, что знак сам по себе есть только указатель, только означающее, а значение знака, его означаемое, и есть то, на что данный знак указывает, и оно не входит в состав знака. Концепцию односторонности знака образно выразил польский ученый Л. Завадовский (приводится в изложении А. П. Ветрова): «Позиция, из которой исходят защитники двусторонней природы знака... верна: знак действительно является знаком потому, что он обладает значением. Но из этого отнюдь не следует, что знак есть комбинация, есть целое, состоящее из двух элементов. Разве из того, что, например, владелец сада есть человек, обладающий садом, следует, что владелец сада представляет собой двустороннюю сущность, а именно: человек плюс сад?».

Различие двух подходов к знаку носит принципиальный характер и ведет к совершенно разным теоретическим выводам. На мой взгляд, понимание знака как односторонней сущности более адекватно.

Ниже, в соответствии с этим пониманием знака, я рассмотрю ряд, с моей точки зрения, существенных свойств знака, в том числе получивших разную оценку в литературе, и попытаюсь, там, где это возможно, привести дополнительные аргументы в пользу концепции односторонности знака.

Включение или, наоборот, невключение значения в состав знака (и, соответственно, признание знака одно- или двусторонней сущностью) во

многим зависит от различного понимания природы значения. В настоящее время существуют два основных понимания значения: как вида отношения (знака к предмету обозначения, знака к понятию и т. д.) и как идеального отражения. Первое понимание вполне согласуется с двусторонней концепцией знака, т. е. с включением значения в знак. Второе — нет. Именно поэтому защитники двусторонности знака критикуют это второе понимание значения. Сторонник билатеральной теории Л. А. Абрамян пишет: «Представление о значении слова, как об идеальном отражении служит ныне, пожалуй, наиболее серьезным препятствием к выявлению природы языкового знака».

Признание значения отражательной категорией, однородной с понятием, и, тем самым, понимание значения как факта сознания, препятствует, как будет показано ниже, включению значения в состав знака и служит основанием для признания знака односторонней сущностью.

Как факт сознания значение есть «умственный предмет», «идеальная вещь» (действие, признак, качество и пр.). В качестве «умственной вещи» значение, как и понятие, может быть: а) копией, снимком (разной степени точности и адекватности) с внешнего мира, например, значение «дерево» есть отображение в сознании класса реальных предметов, значение «ходить» есть отображение в сознании класса реальных действий, значение «чистый» — отображение реальных свойств предметов и т. д.; б) результатом творческой переработки данных прошлого опыта или плодом фантазии и искаженного отображения внешнего мира (таковы, например, значения слов *русалка, кентавр, леший, черт* и т. п.).

В случае значений первого типа («дерево», «дом», «книга» и т. п.) звукоряд *д-е-р-е-в-о* может быть использован для обозначения какого-либо реального дерева. В этом случае знак (звукоряд) *д-е-р-е-в-о* используется в соответствии с определением знака: он обозначает нечто, находящееся вне его самого, причем неясна и затушевана роль значения «дерево». Защитники «двустороннего» знака обычно говорят, что знак, обладающий, например, значением «дерево», используется как целое для обозначения реального предмета. Это, конечно, так. Но какова при этом роль значения? В этом случае именно значение позволяет звукоряду *д-е-р-е-в-о* быть соотнесенным с любым деревом, т. е. с любым предметом, отраженным в значении «дерево». Звукоряд (в моей трактовке — знак) *д-е-р-е-в-о* прежде всего указывает на значение, на «умственную вещь» — «дерево вообще» и лишь благодаря этому может быть соотнесен с любым конкретным деревом (так же обстоит дело со значениями, которые отображают различные «действия», «признаки», «качества» и т. д.). В практике общения часто вовсе не нужно указывать на реальные предметы. Иногда бывает достаточно указать только на «умственный предмет», например, «дерево вообще», «действие вообще» и т. д. В этом случае звукоряд (= знак) указывает только на значение. Этот факт не вполне очевиден потому, что в разбираемом случае за «умственным предметом», «умственным действием» и т. д. стоят реальные предметы,

действия и т.д., которые в любой момент могут быть обозначены соответствующим знаком.

Обратимся теперь к рассмотрению значений второго типа (значения слов *русалка*, *кентавр* и т. п.), которые отражают внешний мир не прямо и адекватно, а косвенно и искаженно. О таких значениях А. И. Смирницкий в свое время писал: «Случаи фантастических или конструированных значений, которые обусловлены действительностью лишь косвенно и не находят себе прямых соответствий в ней, сравнительно очень редки». Тем не менее эти случаи весьма важны для характеристики роли значения при оперировании знаками и раскрытия соотношения знака и значения (в языке — звучания и значения). Русалки, кентавры и пр. представляют собой лишь «умственные вещи». Реальных предметов, соответствующих в действительности значениям этих слов, нет. В качестве «умственных вещей» русалки, лешие и пр. представляют собой значения соответствующих слов. Звукоряд *р-у-с-а-л-к-а* в силу этого может указывать только на «умственный предмет», плод фантазии, существующий лишь в сознании. Тем самым, данный звукоряд (= знак) указывает на свое значение.

По определению знака, то, на что указывает знак (в данном случае — значение), должно находиться вне знака. Именно так и обстоит дело в действительности: значение как факт сознания, как функция мозга, может «находиться» только в головах людей. Знак же как материальный предмет всегда находится вне человека. (Образ знака, имеющийся в сознании, считать знаком, как об этом говорилось выше, никак нельзя.) Если же включить понимаемое таким образом значение в знак, то следует признать, что знак указывает на самого себя или что одна часть знака указывает на другую, а это абсурдно.

Таким образом, тот факт, что звучание (знак) прежде всего указывает на приписанное ему значение, не вполне очевидный в случае значений первого типа, здесь достаточно обнажен.

Включение значения в знак, осуществляемое в рамках концепции двустороннего знака, как уже говорилось, обычно осуществляется на основе понимания значения, прежде всего, как отношения знака к предмету обозначения. Второй тип значений также может быть использован для показа неадекватности понимания значения как вида отношения, связи и т. п. В цитированной выше статье А. И. Смирницкий писал: «Как можно говорить о значениях фантастических или конструированных как об отношениях или связях с определенными кусками действительности, которые якобы обозначаются соответствующими словами, когда специфическим для этих слов как раз и является то, что ими ничто реальное не обозначается». Предметом обозначения в этом случае выступают такие значения, за которыми не стоит никакой реальности. Поэтому данный тип значения отчетливо показывает неправомочность понимания значения как вида отношения.

Итак, значения второго типа помогают отвергнуть понимание значения как какого-то отношения и помогают обосновать тезис об односторонности

знака, понимаемого как указатель прежде всего на некоторое мыслительное содержание, а в тех случаях, когда это мыслительное содержание имеет прямое соответствие во внешнем мире, как указатель на любой предмет, отображенный в этом мыслительном содержании.

Фантастические и конструируемые значения ни в какой мере не опровергают отражательного в своем истоке характера любых значений, как того хотели бы противники теории отражения, сводящие принцип отражения к буквальному зеркальному отражению или изображению. Нет ни одного самого фантастического порождения самой изощренной фантазии, которое не включало бы элементы, непосредственным образом детерминированные фактами внешнего мира. В создании таких значений проявляется творческая сила сознания. Эти значения никак не опровергают тот простой факт, что сознание черпает свое содержание из внешнего мира и что в значениях слов любого языка закреплены знания народа о внешнем мире, итоги познания внешнего мира, как правильные, адекватные, так и ложные, искаженные, а также созданные из данных прошлого опыта порождения творческой мысли, фантазии и воображения.

Отражательный характер значения предполагает, в соответствии с ленинской теорией отражения, детерминированность, обусловленность (прямую или опосредственную) значения тем, отраженном чего оно является. Это особенно явно видно на примере значений первого типа («дерево», «дом», «книга» и пр.), представляющих собой наиболее распространенный, массовидный, в известном смысле нормальный и обязательный для любого языка тип значений. Что же касается знака, то его природа, как принято считать, никак не детерминируется предметом обозначения: любой предмет может быть знаком любого другого предмета. Включение понимаемого таким образом значения в знак требует признания того, что знак через одну из своих сторон детерминирован, обусловлен предметом обозначения. Это противоречит определению знака.

Итак, наличие значения является обязательным свойством материальных предметов (в языке — звуков), используемых как знаки. Однако само это значение в знак не входит и является тем, на что знак указывает.

Единство звучания (знака) и значения образует единицу языка, например, слово или морфему. Когда мы говорим о единице языка, то мы обязательно включаем в ее состав значение. В значениях единиц языка отражен и закреплен опыт народа, говорящего на данном языке. Единица языка как целое через свое значение детерминирована внешним миром. (В случае значений второго типа детерминация, как говорилось, носит косвенный характер.) Единица языка как целое (в силу вхождения в ее состав значения) не есть знак. Она состоит из знака и значения.

Рассмотрим теперь несколько подробнее, каковы же отношения между знаком и значением, или, что то же самое, между звучанием и значением единицы языка.

В нашей литературе распространен тезис о том, что в составе единицы языка звуки выступают как форма, а значение как содержание. Понимание

соотношения звучания и значения как единства формы и содержания распространено очень широко. Однако признать этот тезис правильным нельзя. Сходство соотношения звука и значения с отношением формы и содержания действительно в какой-то мере можно найти. Но это лишь внешнее сходство. В самом деле, категории формы и содержания чего-либо как известно, во-первых, образуют неразрывное единство («Форма существенна. Сущность — формирована»); во-вторых, форма есть внешнее проявление содержания; в-третьих, между формой и содержанием время от времени возникает конфликт: изменение содержания ведет к ломке старой и появлению новой формы. Первые две характеристики как будто бы приложимы и к отношению звучания и значения (хотя, строго говоря, здесь имеется именно сходство, похожесть, но не одинаковость отношений). Что же касается третьей характеристики, то значение и звучание никогда не вступают в конфликт. Раздельное существование звуков и значений (знаки — вне человека, значения — в головах людей) предопределяет и их независимое друг от друга развитие. Звуки имеют свои законы развития, значения — свои. Из истории языков известно, что у слова может очень сильно или полностью измениться звучание, но сохраниться значение. И наоборот, одно и то же звучание может получить полностью новое значение. Ср. в русском языке *вор* «изменник» (*тушинский вор*) → *вор* «похититель». Может частично измениться звучание и частично значение. Ничего подобного в отношении формы и содержания одного и того же явления сказать нельзя.

Что касается неразрывности связи звука и значения, то здесь нужно отметить следующее. Звуки и значения в языке действительно связаны и высшей степени прочной связью. Эта связь складывается исторически и закрепляется общественной практикой. Свободно заменять звучания тех или иных значений — это создавать помехи в общении. Тем не менее характер связи звука и значения таков, что при необходимости люди могут заменять одно звучание (название) другим (ср., например, переименование улиц и городов и вообще замену собственных имен). Впрочем и в сфере нарицательных слов возможны замены одного звучания другими при сохранении прежнего значения. Ср. табу, эвфемизмы, заимствованное и собственное наименование (*геликоптер* → *вертолет*), а также полные и сокращенные наименования (*Совет Министров* → *Совмин*) и т. п. Такие взаимоотношения между формой и содержанием одного и того же явления невозможны вообще.

Наконец, вряд ли убедительно считать, что формой значений второго типа («русалки» и пр.), которые не имеют соответствий в действительности, являются звуки. Иначе говоря, вряд ли можно говорить, что звукоряд *р-у-с-а-л-к-а* есть форма для «русалки», мифического существа, существующего только как факт сознания, т. е. как значение.

По-видимому, следует признать, что звучания (языковые знаки) как относительно автономное явление имеют свою форму и свое содержание, а значения также имеют свою форму и свое содержание. Что касается язы-

ковых звучаний, представляющих особым образом организованную звуковую материю, то отношения содержания и формы здесь, как в любом материальном предмете, устанавливаются между самой звуковой материей («движущиеся слои воздуха») и ее организацией — структурой, или формой. Звучания в языке выступают обычно в виде упорядоченных комбинаций артикулированных звуков, в частном случае в виде отдельных звуков. Структурные характеристики звуков и их комбинаций и образуют форму языковых знаков — звучаний.

В сфере значений, понимаемых как факты сознания, отношения содержания и формы обнаруживаются между содержанием значений (отображение внешнего мира или порождение воображения и фантазии) и той логической формой понятия, в которую организуются определенные виды фактов сознания. Отношения же между языковым звучанием и значением в целом следует оценить как отношение знака и предмета обозначения (в данном случае «умственного предмета»), т.е. как отношение обозначения.

Теперь кратко коснемся еще одного важного аспекта связи между знаком и его значением. Важнейшей особенностью отношения знака и того, что знак обозначает, является условный характер самого этого отношения. Условный характер связи вытекает из отсутствия природной, причинной связи между знаком и тем, что он обозначает, а также из отсутствия отношений детерминации между обозначаемым и знаком. Любой предмет может стать знаком любого другого предмета, факта, действия, явления и т. п. Мы можем договориться, что данный предмет, например, спичечный коробок, символизирует, т. е. обозначает паровоз, пароход, самолет, небоскреб, крокодила, яблоко или любой другой предмет. Тем самым коробок наделяется нами свойством быть знаком. Это свойство, не есть его природное, материальное свойство. Это свойство приписано ему людьми. Поскольку коробок начинает использоваться, т. е. функционировать как знак, свойство быть знаком можно назвать функциональным свойством предмета, используемого как знак. Однако это свойство отлично от других функциональных свойств предмета, в данном случае коробка. Способность при трении головки спички о поверхность вызывать огонь есть функциональное свойство, обусловленное физическим устройством коробка. Однако ни одно физическое, материальное свойство коробка не имеет ни малейшего отношения к его свойству быть знаком. Вместо коробка в той же функции может быть использован любой другой предмет, например, чернильница. Функциональное свойство быть знаком есть мысленно приписанное предмету свойство. Предмет условно используется как знак. Отсюда и сам термин «условный знак». Отсюда и сама характеристика связи между знаком и предметом замещения как «условной».

Конечно, невозможно предположить, что древние люди договорились, условились, что такой-то звук будет обозначать то-то, а другой звук что-то иное. И тем не менее связь между звучанием и значением (если исключить звукоподражания) по своей природе условна. Ничто не предопределяет того, что идея «стола» в русском обозначается звучанием *стол*, в немецком *Tisch*,

в китайском *чжоузы*, а во вьетнамском *ban*, а идея «рыбы» обозначается звучаниями: в английском *fish*, в русском *рыба*, в китайском *юй*, во вьетнамском *ca*, во французском *poisson* и т. д.

Условная связь между звуком и значением складывается стихийно-исторически при становлении языка в процессе совместной практической деятельности людей. Связь эта становится исторически обусловленной, объективной в том смысле, что каждое новое поколение воспринимает ее как нечто объективно данное. Но она не становится от этого безусловной, мотивированной, причинной. Менять звуковые оболочки значений, как уже говорилось, произвольно крайне трудно (хотя в исключительных случаях возможно). И тем не менее мы можем считать, что связь звучания и значения произвольна в смысле отсутствия обусловленности или мотивированности звучания тем, что это звучание обозначает, т. е. отсутствия природных или причинных отношений между знаком и тем, что он обозначает.

За последние годы у нас появилась серия работ (статей и книг), в которых вновь поднимается вопрос о мотивированности связи между звучанием и значением (в моем понимании — между знаками языка и тем, что они обозначают). Идея мотивированности связи звуков и значений в том или ином виде с привлечением экспериментальных и статистических данных обосновывается в работах И. Н. Горелова, А. П. Журавлева, В. В. Левицкого и др. Опубликованные материалы показывают, что в отдельных языках (отчасти в группах родственных языков) можно в какой-то мере наблюдать более частую встречаемость звуков или звукосочетаний в словах с определенной семантикой. Так, в некоторых европейских языках, например, в английском, количественно преобладает звук *i* в словах со значением «маленький» (но ср. *big*), а звук *a* — в словах со значением «большой». Это явление, которое определяют как звуко-символизм и связывают с символичностью звуков, вряд ли может быть объяснено «натуральным, природным значением звуков языка». Происхождение его скорее надо объяснять другими причинами. Во-первых, как известно, в различных языках (в группах родственных языков) одни и те же (или сходные) звуки и звукосочетания обычно встречаются в семантически сходных или связанных словах. Такие слова либо являются корнеродственными, либо могли быть таковыми в отдаленные эпохи. В последнем случае корневое родство сильно «размыто» и явно не прослеживается. Сохраняются лишь его следы в виде звукового сходства и семантической связанности, которые обычно и служат основанием для поисков древнего родства слов как в пределах одного языка, так и в группах родственных языков. Во-вторых, стихийно-исторически сложившиеся за тысячелетия и ставшие для данного языка традиционными связи определенных звуков с определенными звучаниями образуют обширный ассоциативный фон, благодаря которому в этом языке с определенными звуками иногда ассоциируются сходные или однотипные значения. Наконец, не исключено, что в отдельных случаях действительно «наши голосовые органы производят *mutatis mutandis* те же символические движения, что и наши руки, кисти рук и т. д. Мы увеличиваем степень

открытости рта, чтобы показать большие, и уменьшаем его, чтобы показать малые размеры чего-либо...». Тем или иным движениям органов речи обычно соответствуют определенные звуки (*i* произносится при максимальной закрытости, а *a* при максимальной открытости рта), которые иногда и ассоциируются с определенными значениями. Сторонники мотивированности связи звука и значения охотно и, надо сказать, не без основания ссылаются на эти и аналогичные рассуждения Ш. Балли, не отмечая (или не замечая), однако, того, что Балли говорит лишь о части языковых знаков, о наблюдаемой иногда символичности движений органов речи, которые лишь «подчеркивают значение, выражаемое знаком». Символичность движений органов речи, о которой пишет Балли, и обусловленная ею символичность некоторых (далеко не всех!) звуков отнюдь не служит средством выражения тех или иных понятий (= значений слов), но только средством подчеркивания, да и то не всегда и не везде, некоторых очень широких и весьма неопределенных идей типа «большой, крупный и т. п.» или «маленький и т. п.».

Наблюдающиеся в языках явления звуко-символизма используются главным образом как экспрессивные средства и служат основой различных видов аллитераций и прочих средств звукописи (ср. у А. Вознесенского: «О, как ты звенела во мраке вселенной, упруго и прямо как прутик антенны»). Явления звукового символизма и кажущаяся мотивированность связи некоторых звуков и некоторых значений возникают только как вторичные явления. Это отмечает, в частности, В. В. Левицкий. И с этим нельзя не согласиться. Звуковую символику невозможно объяснить наличием у звуков некоего «натурального, отприродного» значения хотя бы потому, что значение не может быть «природным». В природе вообще нет категории значения. Значение, как уже говорилось, есть факт сознания, социально и исторически обусловленный. Значения возникают в сознании людей, постигающих в процессе практической деятельности свойства и связи предметов и явлений внешнего мира. Значения «большой» и «маленький» со всеми их разновидностями возникают в результате сопоставления и сличения реальных предметов, с которыми люди имеют дело, а отнюдь не вследствие восприятия или познания физических (акустических) свойств звуков *i* и *a*. Символическая связь между отдельными звуками *b* некоторыми значениями может возникнуть только как вторичное явление в силу действия разных причин, о которых речь шла выше. И если при этом можно говорить о какой-то мотивированности использования отдельных звуков, то только о вторичной, а не об изначальной, отприродной.

Наблюдаемые в языках звуко-символические эффекты, будучи вторичным явлением, не определяют природу связи между звуками и значениями. Сущность этой связи — в ее немотивированности и в этом смысле произвольности. «*Kit*, — пишет Ч. Хоккет, — маленькое слово для обозначения большого объекта, а слово *микрорганнизм* используется противоположным образом» (т. е. для обозначения маленького объекта). Именно немотивированность (произвольность) связи звучаний и значений

обуславливает отмеченное выше разнообразие обозначений одних и тех же понятий (предметов, явлений, свойств и т. п.) в разных языках. Именно в силу немотивированности связи звучания и значения возможны такие случаи, когда в совершенно не связанных между собой языках аналогичный звуковой комплекс обозначает как бы противоположные явления. Так, в японском языке *яма* означает гору (*Фудзияма* — «гора Фудзи»), а в русском — углубление или выемку в почве.

Иногда прочность, тесность, привычность связи между звучанием и значением принимается за произвольность и необходимость. Э. Бенвенист пишет: «Связь между означаемым и означающим произвольна, напротив, она необходима. Понятие („означаемое“) „бык“ в моем сознании неизбежно отождествляется со звуковым комплексом („означающим“) *böf*. И может ли быть иначе?»

Вместе запечатлены они в моем сознании, вместе возникают они в представлении при любых обстоятельствах».

Как уже говорилось, связь между знаком и тем, что он обозначает, произвольна, условна (конвенциональна), не необходима в том смысле, что это не природная, не материальная, не причинная связь, а связь социальная, подразумеваемая, мысленная. Никакие свойства знака не обусловлены свойствами замещаемого предмета (физического или «умственного»). Те, кто утверждает, что связь знака и того, что он обозначает (значения), необходима и произвольна, фактически говорит о тесности, привычности связи, необходимости регулярно употреблять знак со строго определенным значением, чтобы быть понятым в среде, где данный знак используется как средство общения. Об этом фактически говорит и Э. Бенвенист в приведенной выше цитате.

Вообще говоря, именно произвольность (немотивированность) и условность (конвенциональность) связи знака и предмета обозначения являются необходимыми атрибутами развитой формы знака. К числу знаков, как известно, относят весьма широкий круг объектов: симптомы и признаки (например, дым от костра, кашель при простуде и т. п.), копии, изображения, отпечатки (так называемые иконические знаки), различного рода символы (гербы, эмблемы и т. п.) и собственно знаки, или, как их называют, условные знаки. Первые две группы объектов отчетливо детерминированы (иначе можно сказать, четко мотивированы) теми предметами и явлениями, на которые они указывают (кашель — простудой, дым — костром, изображение — оригиналом и т. п.). Объекты, входящие в эти две группы, можно называть не — знаками, имеющими знаковое использование, поскольку, с одной стороны, эти объекты являются именно признаками, атрибутами других объектов или сходны с ними, а с другой стороны, по ним, как по любым знакам, можно судить о других объектах. Что касается символов, то они тоже имеют некоторую мотивированность тем, что они обозначают. Однако эта мотивированность может быть весьма слабой и иногда сводится лишь к намеку в символе на обозначаемый предмет или идею. Символы занимают как бы промежуточную позицию между не — знаками и собственно

знаками (условными знаками). Их можно считать неразвитой формой знаков. Нетрудно видеть, что в кругу объектов, включаемых в знаки, наблюдается постепенный переход от полной мотивированности («дыма без огня не бывает») к полной немотивированности (произвольности) у так называемых собственно знаков (или условных знаков). В связи с этим, некоторые авторы, пишущие по проблеме знака, отмечают, что «в историческом развитии знаков наблюдается интересная закономерность. Изучение происхождения тех или иных видов знаков показывает, что их, так сказать, „прародители” были такие знаки, которые имели определенное сходство или связь с обозначаемыми предметами. Но в процессе эволюции это сходство или связь утрачивается». Объясняется это тем, что «во-первых, наличие сходства (или связи) формы знака с обозначенным предметом не является необходимым условием функционирования знаков, не вытекает... из самой природы отношения обозначения, является случайным по отношению к ней. Во-вторых, это сходство (связь) в ряде случаев существенно ограничивает возможности оперирования знаками».

Знаки языка — звукосочетания (иногда отдельные звуки) представляют собой именно высшую, развитую форму знаков, поскольку их связь с обозначаемыми (значениями) ничем не предопределена.

Не является ли, однако, утверждение о произвольности и конвенциональности знаков, или, что то же самое, о произвольности и конвенциональности их связи с тем, что они обозначают, каким-то видом конвенционализма? Безусловно, нет.

Конвенционализм утверждает условность наших понятий, представлений и вообще знаний. Конвенционализм начинается там, где знак начинают ассоциировать или отождествлять с его значением, где условность знака переносится на значение (понятие) и вообще знание. Однако поскольку знаки представляют собой лишь средство обозначения и выражения наших знаний, носящих в целом объективный характер, и не имеют ничего общего с тем, что они выражают или обозначают, т. е. со значениями, постольку условность знака ни в коей мере не есть конвенционализм. Перенос присущего знаку свойства условности на его значение может произойти и иногда происходит главным образом при понимании знака как двусторонней сущности, когда в знак (в условный знак) включается его значение, т.е. некоторое мысленное содержание, которое всегда либо прямо (*дом, ствол, дерево* и пр.), либо косвенно (*русалки, ведьмы* и пр.) обусловлено внешним миром.

Понимание знака как односторонней сущности, будучи более адекватным само по себе, в большей мере «предохраняет» от конвенционалистской трактовки понятий, значений и вообще знаний. Конечно, было бы совершенно неверным считать, что приверженцы «двустороннего» понимания знака обязательно стоят на позициях конвенционализма. Однако, включая значение в знак, который по определению есть условный знак, они либо должны признать обусловленность условного знака внешним миром (через его значение), либо, наоборот, признать значение чем-то условным

(поскольку знак условен) и тем самым сделать шаг в сторону конвенционализма.

Если теперь суммировать свойства знака, и в том числе языкового знака, то кратко их можно изложить так.

Знак обязательно есть материальный предмет (в широком смысле). Этот материальный предмет не является знаком «от природы». Он становится знаком только тогда, когда ему придается значение. Иметь значение — обязательное свойство знака. Это свойство есть функциональное, мысленно приписанное знаку свойство. Само значение в знак не входит. Значение есть то, на что указывает знак. В этом смысле знак односторонен. Благодаря обобщенному характеру значения, знак может быть средством указания на любой предмет (качество, признак, действие), отображенный в этом значении.

Связь между знаком и значением условна, произвольна, но в высшей степени прочна. Наблюдаемые в языках явления звукового символизма и некоторой мотивированности употребления отдельных звуков вторичны. Отношение между знаком и значением не есть отношение формы и содержания, но есть отношение обозначения. Хотя материальность — обязательная черта знака, свойство быть знаком не есть материальное свойство данного предмета. Это есть социально, мысленно приписанное предмету функциональное свойство.

Как видно из изложения, проблема знака в известном смысле прежде всего есть проблема присущего знаку значения. Знак без значения — это обычный материальный предмет или обычное физическое событие, т. е. не-знак. В этой связи следует кратко коснуться проблемы операций над знаком в формальных знаковых системах или в формализованных языках. При оперировании знаками в таких системах иногда создается впечатление, что операции осуществляются над самими знаками (например, алгебраическими символами), которые «рассматриваются как конечные объекты, за которыми ничто не стоит». Но это ошибочное впечатление. Нельзя оперировать знаками, отвлекаясь от их значений, поскольку без значения знак перестает быть знаком. В формализованных знаковых системах поэтому операции совершают не над знаками как таковыми, т.е. некоторыми объектами, лишенными значений («за которыми ничто не стоит»), а над знаками, обладающими очень абстрактным, очень обобщенным значением. Точнее, следует сказать, что операции в таких системах вообще совершаются не над знаками, а с помощью знаков над очень абстрактными значениями (понятиями), представляющими собой значения соответствующих знаков. Различие между так называемым «содержательным уровнем» рассуждений и «формализованным уровнем» состоит не в том, что в первом случае используются знаки с их значениями, во втором — знаки как таковые, в отвлечении от их значений, а в разной степени абстрактности значений, присущих знакам в «содержательных» и «формальных» системах. Наличие же значений у знаков обязательно и в том и в другом случае.

На «содержательном уровне» обычно используются более конкретные значения (понятия), составляющие значения слов обычного языка. Рассуждения на «содержательном уровне» состоят поэтому из обычных слов, как, например, в условном суждении: *Если уронить стакан, то он разобьется.*

На «формализованном уровне» приведенному выше условному суждению соответствует импликация $A \rightarrow B$ («если A , то B », т. е. «событие A влечет за собой событие B »). Символы A и B в этой импликации, также представляющей вид рассуждения, как и слова в «содержательном» условном суждении, имеют значения, но очень общие и абстрактные. За A и B могут стоять самые различные предметы, действия, события, факты и т. п., находящиеся в определенном отношении, которые и описываются данной импликацией. Предельно обобщенный характер значений символов в так называемых формальных языках позволит с их помощью проводить рассуждения очень абстрактного характера, пригодные для анализа огромного количества конкретных ситуаций. Переход от «содержательного уровня» рассуждений к «формализованному» означает не что иное, как смену объектов, над которыми производятся операции: вместо относительно конкретных значений (понятий) берутся очень абстрактные значения (понятия).